

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н. К. ДМИТРИЕВ И СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ¹

Имя Николая Константиновича Дмитриева широко известно востоковедам не только в нашей стране, но и за ее пределами. Еще при его жизни оно вошло в историю тюркологии советского периода. Как ученый и организатор Н. К. Дмитриев сформировался в первое десятилетие после Великой Октябрьской революции. Его молодость совпала с молодостью нового общественного уклада, с молодостью первого пролетарского государства. Это было горячее и страстное время смелых дерзаний и напряженных поисков новых установок в самых различных областях духовной деятельности. В значительной мере в бурной эпохе 1917—1930 годов с ее пытливыми творческими исканиями следует видеть источник ранней научной зрелости Н. К. Дмитриева, которая невольно бросается в глаза при чтении его первых работ. Одно из первых историко-фонетических исследований, свидетельствующее о полной зрелости научных взглядов Н. К. Дмитриева и его превосходной эрудиции, — его кандидатская диссертация «Этюды по сербо-турецкому языковому взаимодействию». Эта работа была в окончательной редакции готова, когда ее автору было 25 лет, но начата значительно раньше, наверное еще в Лазаревском институте, задумана же еще раньше — в те годы, когда Н. К. Дмитриевым был подготовлен русский перевод известного собрания сербских сказок Вука Караджича.

Когда мы сравниваем взгляды Н. К. Дмитриева в начале и конце его научного пути, перед нами встает облик необычайно цельного в своих убеждениях ученого, чуждого теоретических шатаний и компромиссов, последовательного в отстаивании своих теоретических взглядов. Однако это вовсе не означает, что он остался вне широкого потока развития советской тюркологии за истекшие три с лишним десятилетия. Он сам был в центре этого потока; его взгляды на важнейшие вопросы, относящиеся к структуре тюркских языков, проделали значительную эволюцию. Но направление этой эволюции во всех случаях находилось в полном соответствии с общелингвистическими и тюркологическими концепциями Н. К. Дмитриева.

В настоящее время, когда нам стал доступен научный архив Н. К. Дмитриева, мы можем наглядно проследить, как вырабатывались его взгляды на важнейшие вопросы строя тюркских языков. В качестве примера можно было бы сослаться на развитие его учения о придаточном предложении. Еще в 30-х годах в своих неопубликованных исследованиях, относящихся к синтаксису туркменского, кумыкского, балкарского и некоторых других языков, Н. К. Дмитриев был склонен относить к придаточным предложениям все глагольно-именные (или, как у нас нередко называют их, причастные) конструкции (в том числе и те, где субъект оформлен в родительном падеже) на основании общей предикативной семантики этих конструкций. Однако в «Грамматике кумыкского языка» мы уже отмечаем серьезное внимание к форме подлежащего при выделении придаточных предложений. Обращаясь к более поздним работам, также не увидевшим света, мы можем проследить дальнейшую разработку вопроса о придаточном предложении и основных его членах — подлежащем и сказуемом, и, наконец, в «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриев формулирует в окончательном виде положение о придаточном предложении в тюркских языках.

О глубоко содержательном научном наследии Н. К. Дмитриева и его месте в истории тюркологии можно говорить много². Однако в рамках краткой журнальной статьи приходится выбирать лишь то, что более всего существенно для нынешнего состояния и перспектив развития нашей советской тюркологии.

Одним из наиболее важных достижений, которыми советская тюркология обязана

¹ Доклад на заседании, посвященном памяти Н. К. Дмитриева, 22 декабря 1955 г. в Институте языкознания Академии наук СССР.

² См., например, Э. В. Севортян, Из истории развития советской тюркологии. (Памяти Н. К. Дмитриева), ИАН ОЛЯ, 1955, вып. 2.

Н. К. Дмитриеву, является созданная им схема описания структуры тюркских языков и принципы, лежащие в основе этой схемы. Схему описательной грамматики тюркских языков Н. К. Дмитриев выработал уже к тому времени, когда начало становиться на ноги самостоятельное тюркское языкознание в основных центрах тюркоязычного населения нашей страны. В главных чертах схема Н. К. Дмитриева была разработана к началу 30-х годов и распространялась на первых порах через лекционные курсы в ЛГУ, через семинары и циклы лекций, читавшихся ученым на периферии (Уфа, Симферополь и другие города), наконец, через курсы переводчиков. Но свое первое печатное выражение грамматическое построение Н. К. Дмитриева получило лишь в 1939 г. в брошюре «Строй турецкого языка».

Чем же отличается описательная схема Н. К. Дмитриева от описательных грамматик русской дореволюционной тюркологии?

Она отличается как принципом своего построения, так и объемом. В основу структурного описания тюркских языков Н. К. Дмитриев положил учение о грамматической категории, т. е. учение о структурных элементах грамматики, обладающих определенными значениями и формами. Элементы такого структурного описания тюркских языков можно найти еще в работах отечественных тюркологов дооктябрьского времени, последовательнее всего у П. М. Мелиоранского, а также в лучших трудах зарубежных тюркологов (например, у проф. Ж. Дени). Но только в советское время и впервые в трудах Н. К. Дмитриева грамматическая категория становится исходным пунктом структурного описания тюркских языков. В настоящее время это положение, как и многое другое, внесенное в советскую тюркологию Н. К. Дмитриевым, настолько прочно вошло в повседневную языковедческую работу, что все новые и новые поколения советских тюркологов и даже в некоторых случаях специалисты более старших поколений подчас забывают или же не знают, что автором распространеннейшей у нас схемы является Н. К. Дмитриев. Правила, общие контуры схемы были выработаны не одним только Н. К. Дмитриевым, как не были открыты одним В. В. Радловым или его учениками принципы, на которых строились грамматические описания в русской дооктябрьской тюркологии.

В новой схеме структурного описания тюркских языков нашли свое отражение передовые идеи русского языкознания, в частности некоторые идеи акад. А. А. Шахматова, так же как в описательных работах основоположников современной тюркологии нашли свое преломление идеи отечественных или зарубежных ученых, принадлежавших к младограмматической школе. Но новая модель описания тюркских языков была не слепком с описательной грамматики русского языка, а результатом творческого применения некоторых ее принципов к тюркологическому материалу — результатом, органически вытекавшим из фактического материала тюркских языков, в противовес схеме описательной грамматики, широко распространенной в 30-х годах в практике составления школьных учебников по тюркским языкам и механически копировавшей стабильный учебник по русскому языку, против чего Н. К. Дмитриев всегда выступал самым решительным образом.

Новая схема структурного описания отличалась от дооктябрьской, как было сказано, также и своим объемом. Мы имеем в виду синтаксический раздел, который встречался очень редко в дореволюционных грамматиках. В советское время синтаксис становится непременной частью грамматических описаний, и заслуга Н. К. Дмитриева в этой области состоит в том, что он прежде всего установил самый состав синтаксиса, исключив сюда ряд разделов, отсутствовавших в старых грамматиках, и удалив разделы, дублирующие известные части морфологии.

С разработкой общей схемы описательной грамматики тюркских языков и вовлечением в исследование нового материала, мало известного или почти неизвестного в дооктябрьской тюркологии (башкирский, кумыкский, туркменский, карачаево-балкарский), должна быть поставлена и новая разработка Н. К. Дмитриевым тех вопросов научной грамматики тюркских языков, которые в старой тюркологии оставались не вполне ясными или же открытыми. Можно было бы указать на такие важнейшие вопросы, как учение о сложноподчиненном предложении, о частях речи — наречии, местоимении, сложных и подражательных именах, об историческом соотношении трех типов определительных сочетаний (так называемый «тюркский изифет» — термин, заимствованный из арабской грамматики и, строго говоря, лишь частично применимый к грамматике тюркских языков), категории определенности и неопределенности, служебные имена, грамматическая (словоизменительная) система глагола и др.

Коснемся кратко истории разработки перечисленных вопросов. Проблема сложноподчиненного предложения как одна из центральных тем научного описания тюркских языков дооктябрьской тюркологией специально не ставилась. А между тем практика школьной работы на родном языке очень скоро после установления советской власти поставила перед языковедами-тюркологами неотложную задачу выяснения грамматической природы целого ряда словосочетаний, которые никак не удавалось подвести под привычные и хорошо знакомые тюркологам синтаксические схемы русской грамматики. Решение вопроса можно было найти лишь на пути теоретического анализа указанных словосочетаний. В отличие от других тюркологов, которые в конце 30-х годов также

начали включаться в разработку вопросов сложноподчиненного предложения как особой проблемы практической и теоретической тюркологии и безуспешно пытались найти решение вопроса путем вынесения формы сказуемого придаточного предложения, Н. К. Дмитриев скоро понял, что вопрос о синтаксической природе специфических словосочетаний в тюркских языках может быть решен лишь на базе общей теории предложения, лишь при признании предикативной связи подлежащего и сказуемого фундаментом предложения вообще, в том числе и придаточного. Не сразу далась Н. К. Дмитриеву эта мысль, но он шел именно в этом направлении и в 1949 г. в «Грамматике башкирского языка» сформулировал хорошо известные специалистам положения о придаточном предложении в тюркских языках и его структурных частях. Не лишне напомнить, что наиболее вдумчивым и глубоким грамматистам на Западе, таким, например, как проф. Ж. Дени, в анализе специфических турецких словосочетаний не удалось подняться выше понятия «*quasi-proposition*», т. е. квази-предложений, что означает, конечно, отказ от определения грамматической природы специфических словосочетаний в тюркских языках.

В вопросе о наречии среди тюркологов дооктябрьского и послеоктябрьского времени преимущественно господствовало, и в некоторых случаях и сейчас еще господствует, убеждение в том, что наречие в тюркских языках морфологически недоразвито. Н. К. Дмитриев не отвергал этого положения, но его больше занимал другой вопрос, остававшийся в старых грамматиках в тени, вопрос о значении наречий и их связи с другими частями речи, в первую очередь с местоимением и другими именными частями речи.

Для анализа наречий, в первую очередь пространственных, определяющее значение имело исследование Н. К. Дмитриевым указательных местоимений в тюркских языках. В старых работах тюркологов ограничивались лишь номенклатурой и классификацией тюркских местоимений, либо этимологизацией их отдельных разрядов. Н. К. Дмитриев, как и в других случаях, и в этом вопросе перенес центр тяжести научного исследования на вопрос о семантических отношениях в группе указательных местоимений и о связи последних с другими частями речи, в первую очередь с наречиями. К теме о местоимениях Н. К. Дмитриев обращался дважды: в начале своей научной деятельности — к местоимениям турецкого языка, и во второй раз в конце сороковых годов — к местоимениям в башкирском языке. Результаты, к которым он пришел в своих исследованиях, общезвестны, и повторять их нет надобности.

Категория сложных, в первую очередь парных слов составляла одно из тех «белых пятен» в описании тюркских языков, которых осталось немало в наследии дооктябрьской тюркологии. Из весьма немногочисленных исследований, специально посвященных этой теме, ко времени появления исследования Н. К. Дмитриева можно было бы назвать статью Карла Фоя¹ и отчасти статью Луиджи Бонелли², выступившего с рецензией на работу К. Фоя. Но Фой, как и большинство его западных коллег, больше интересовался фонетическими особенностями парных слов и меньше их строением и семантикой, не говоря уже о месте этой категории в структуре тюркских языков. В исследовании Н. К. Дмитриева, выполненном им на материале башкирского языка, были освещены все указанные стороны парных слов и определено место этой древнейшей и специфической категории тюркских языков.

Н. К. Дмитриеву удалось сказать свое, нужное слово и в такой, казалось бы, исчерпывающе разработанной Н. И. Ашмариним области, как подражательные слова в тюркских языках. Новое, внесенное Н. К. Дмитриевым в изучение подражательных слов, состоит в том, что он определил место подражательных слов в системе частей речи в тюркских языках и выделил их в качестве особой словообразовательной категории в системе междометий. За недостатком места мы не имеем возможности остановиться на других исследованиях Н. К. Дмитриева в области словообразования. Добавим к сказанному лишь то, что в трудах Н. К. Дмитриева принципиальные вопросы словообразования получили ясное и глубокое освещение.

В числе важнейших вопросов структуры тюркских языков, разработанных Н. К. Дмитриевым, выше была названа также проблема исторического соотношения трех типов определительных сочетаний существительных. Старая тюркология не имела достаточной возможности для постановки этого вопроса, так как не был еще выяснен другой, предварительный вопрос о положении всех трех типов атрибутивного сочетания имен в различных тюркских языках. В советское время благодаря усилиям тюркологов в центре и на местах этот вопрос удалось выяснить с достаточной полнотой, и значительная доля участия в этой исследовательской работе принадлежит самому Н. К. Дмитриеву. Но он кроме того, правильно наметил историческую преемственность между аффиксаль-

¹ K. F o y, Studien zur osmanischen Syntax. I— Das Hendiadyoin und die Wortfolge *ana baba*, «Mittheilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. II Abt.—Westasiatische Studien», Berlin — Stuttgart, 1899.

² L. B o n e l l i, Della iterazione nel turco volgare, «Giornale della Società Asiatica Italiana», vol. XIII.

ными и безаффиксальными типами определительных сочетаний существительных в тюркских языках.

Категория грамматической определенности и неопределенности, хорошо известная в западноевропейских языках, тюркологами до Н. К. Дмитриева не выделялась. Он первый обосновал необходимость ее выделения и включил этот вопрос в учение о структуре тюркских языков, установив, таким образом, внутреннюю связь между указательными местоимениями, именем и категорией падежа.

В анализе категории служебных имен Н. К. Дмитриев сделал решающий шаг после акад. В. А. Гордлевского, морфологически отделив их от собственно послелогов. Но не это составляет наиболее существенную сторону его трактовки служебных имен. Новое и ценное в исследовании служебных слов, проведенном Н. К. Дмитриевым на материале турецкого языка, состоит в том, что он выделил служебные имена как систему, в которой все они взаимосвязаны, и дал семантико-грамматический анализ этой системы. Разработку системы грамматических (словоизменительных) форм глагола (т. е. системы наклонений, модальностей, времен и аспектов), начатую и значительно продвинутую вперед акад. В. А. Гордлевским на материале турецкого языка, Н. К. Дмитриев довел до конца, уточнив, дополнив и частично изменив трактовку отдельных частей в описании системы грамматических форм глагола, и, проверив ее на материале разных тюркских языков, обобщил свою схему для всей тюркской группы в целом.

Можно было бы назвать еще ряд вопросов грамматики тюркских языков, которых коснулись в своих работах Н. К. Дмитриев.

Как ни различные вопросы, которые были затронуты выше, они все внутренне связаны и методом их анализа, и единством грамматической схемы Н. К. Дмитриева в целом. Мы говорили о двух отличиях описательной грамматики, разработанной Н. К. Дмитриевым, от традиционной. Третье ее отличие заключается в том, что описываемые явления рассматриваются автором в известной перспективе их развития. Как это ни парадоксально, но тем не менее остается фактом, что дооктябрьская тюркология, сосредоточившая свое внимание на вопросах исторического языкознания, при описании современных языков редко обращалась к историческому аспекту излагаемого ею материала. Правда, в грамматических трудах Н. К. Дмитриева историзм обычно проявляется не в оснащении их ссылками на показания памятников тюркских языков, ссылками, которые служат, по мнению иных тюркологов, чуть ли не единственным доказательством историзма. Историзм в описании грамматического явления Н. К. Дмитриев понимает как передачу с о д е р ж а н и я процесса развития грамматической категории. Это, конечно, историзм истинный, далекий, с одной стороны, от начетнического эмпиризма, а с другой стороны, от вульгарно-механистического, по существу антиисторического схематизма, сплюсывающего все исторические изменения в тюркских языках ко всякого рода заимствованиям друг у друга и, таким образом, отрицающего собственное развитие этих языков.

Задаче исторического осмысления и изучения фактов тюркских языков подчинена была в конечном счете, по мысли Н. К. Дмитриева, и большая отрасль языкознания, в которой он выступил выдающимся организатором и новатором. Речь идет о диалектологии. Н. К. Дмитриеву обязана диалектология в Башкирии, Дагестане, Туркмении и в других местах переходом на современные методы полевой работы и последующей обработки материала. Вопросник и паспортизация, разбивка отрядов и групп по определенным разделам диалектографирования и т. д. — все это сегодня само собой разумеющееся, можно сказать, элементарные правила организации диалектологической экспедиции. Но в конце 20-х, первой половине 30-х годов, когда осуществлялся переход на новые методы, понятие об этом имели лишь отдельные тюркологи на периферии.

Диалектографические описания Н. К. Дмитриев рассматривал лишь в качестве материала для более глубокой и важной задачи изучения истории становления современных тюркских языков. В одной из своих неопубликованных работ, подытоживающей опыт проведенных под руководством Н. К. Дмитриева пяти диалектологических экспедиций, он специально подчеркивает, что основной задачей диалектологии является решение вопросов, связанных с историей тюркских языков.

Четвертым отличием грамматических исследований Н. К. Дмитриева от старых работ является его метод. В тюркологических работах дооктябрьского времени исследователи не ставили перед собой задачу выяснения внутренних связей внешне изолированных явлений тюркских языков. Н. К. Дмитриев в своих исследованиях, наоборот, стремился выяснить внутреннюю связь и отношения различных категорий, образующих элементы структуры этих языков. Таким подходом к исследуемому материалу Н. К. Дмитриев всецело обязан благотворному влиянию на него марксизма, который он старался внедрять в работу как своей лично, так и руководимых им коллективов.

Характеристика лингвистических позиций Н. К. Дмитриева будет неполной без упоминания его взглядов на отношения тюркских языков между собой. Вместе с многими тюркологами старшего поколения он бережно сохранил и развил одно из кардинальных положений дооктябрьской тюркологии — положение о генетическом единстве тюркских языков. Без сомнения, признание единства происхождения всех тюркских языков лежит в основе всей тюркологической деятельности Н. К. Дмитриева.

Надо было обладать мужеством и твердостью, чтобы в обстановке подозрительности и недоверия, а то и прямой неприкрытой вражды к идее изначальной общности тюркских языков, столь распространенных в 30-х и даже 40-х годах на местах и даже отчасти в центре, открыто и смело защищать словом и делом эту идею, не боясь обвинения в пантюркизме, с которым нередко отождествляли в языковедческой практике на местах идею генетического единства тюркских языков. Идее изначальной общности тюркских языков был подчинен также большой план научных исследований, о котором речь будет идти ниже.

В трудах Н. К. Дмитриева и в руководимых им коллективных исследованиях его сотрудников положение о единстве тюркских языков нашло новое подтверждение и дальнейшее развитие, что выразилось в специальном и детальном изучении значений и соотношений общих структурных категорий тюркских языков, в выяснении модификаций одних и тех же грамматических или лексических категорий в различных тюркских языках или их более тесных группах.

Весьма значителен и принципиально нов вклад, внесенный Н. К. Дмитриевым в тюркскую лексикологию. Это — старейшая ветвь тюркологии, более ранняя, чем грамматика. В области лексикологии пробовали свои недолжные силы и О. Сенковский, и А. Мухлинский, и М. Казем-Бек, и И. Березин и другие. Но то были лишь первые опыты, во многом теперь уже устаревшие. Лишь с Л. Будагова начинается у нас современная научная лексикология, получившая наибольший размах и научное обоснование в замечательных трудах В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша и их выдающихся учеников В. А. Гордлевского и С. Е. Малова. Однако на том этапе лексикологических размышлений основное внимание наших классиков, за исключением В. В. Радлова, сосредоточивалось на вопросах тюркских заимствований в русском языке. В трудах Н. К. Дмитриева центр тяжести лексикологических исследований перемещается в область разработки вопросов собственно тюркской лексикологии. По его инициативе и по его начертаниям тюркологический коллектив Института языкознания АН СССР приступает к большой коллективной работе, посвященной важнейшим элементам общего словарного фонда тюркских языков. Ныне эта работа завершена, но ее организатора и вдохновителя среди нас уже нет, и его авторитетной оценки мы уже не услышим.

В трудах Н. К. Дмитриева была продолжена и старая линия отечественной тюркологии в области словарных заимствований. Но Н. К. Дмитриев внес сюда и некоторые новые установки. Они заключаются в том, что при исследовании тюркских заимствований в русском языке необходимо выяснять, по возможности, общие условия и эпоху заимствования, определять конкретный тюркский язык, откуда заимствовано исследуемое слово. Эти особенности лексикологических трудов Н. К. Дмитриева должны быть хорошо известны специалистам, так как в его опубликованных статьях установки автора и его методика выражены с достаточной четкостью. Однако лучшие исследования Н. К. Дмитриева из области тюркских заимствований в русском языке пока не опубликованы. Не опубликована, в частности, его большая работа о тюркских элементах в лексике русского языка. Это превосходное исследование после войны было сдано в печать. Но затем сборник, где была помещена работа Н. К. Дмитриева, не вышел, и исследование не увидело света. Можно надеяться, что в конце концов оно станет известным и русистам, и тюркологам, если только удастся осуществить задуманное Академией наук издание избранных сочинений Н. К. Дмитриева.

Н. К. Дмитриев пришел в науку в то время, когда литературные тюркские языки в своей громадной части начали только еще складываться, когда во многих национальных областях с тюркоязычным населением по существу еще не было ни своей художественной литературы, ни своего литературоведения. Для изучения языка перед лингвистом оставался все тот же старый дореволюционный путь скрупулезного собирания живого языкового материала, в первую очередь образцов неписанного народного творчества — фольклора. Сегодня, пожалуй, выглядело бы анахронизмом, если бы тюрколог для изучения общенародного тюркского языка — татарского, башкирского, узбекского, каракалпакского, кумыкского и других — вдруг отвернулся от художественной литературы и национальной прессы на этих языках и стал строить свои будущие наблюдения и заключения на основании собранных им самим фольклорных материалов, записанных на разных диалектах. Но в 20-х годах приходилось идти именно этим путем, ибо другого не было. Широкая практика собирания материалов из уст народа вскоре привела Н. К. Дмитриева в область тюркского фольклора, который с того времени стал одной из специальностей Н. К. Дмитриева. Фольклорные труды Н. К. Дмитриева — его многочисленные вступительные статьи и весьма компетентные комментарии к турецким, башкирским, алтайским и туркменским сказкам слишком хорошо известны широкому кругу читателей, чтобы о них была надобность говорить подробно в данной статье. Значительное число фольклорных работ Н. К. Дмитриева, посвященных поволжско-татарскому, крымско-татарскому, азербайджанскому, башкирскому и туркменскому фольклору, опубликовано им на французском, немецком и итальянском языках в зарубежных изданиях.

Отличительной чертой Н. К. Дмитриева как ученого является ориентированность

всей его деятельности на вопросы и задачи социалистического строительства. Откликаясь на мелкие и мельчайшие нужды повседневной практической языковедческой работы на местах, Н. К. Дмитриев умел в то же время заглядывать в завтрашний день практической и научной тюркологии и в соответствии с этим строить планы научных исследований и подготовки кадров для многочисленных пунктов востоковедной работы в нашей стране.

Н. К. Дмитриев был выдающимся и крупнейшим руководителем и организатором советской тюркологии. Он прекрасно знал историю своей науки, ее современное состояние, сильные и слабые стороны тюркологии, ее нерешенные проблемы и очередность последних; отлично знал кадры советских тюркологов и потребности в них.

Н. К. Дмитриев был решительным противником забегаания вперед, противником научного прожектерства и авантюризма. Он всегда считал, что наука может ставить перед собой лишь выполнимые задачи, что она не может развиваться без синтетических работ, но синтетические работы должны быть подготовлены новыми фактами, новыми наблюдениями, вносящими существенные изменения и дополнения в сложившиеся представления о тюркских языках. Всякий очередной синтез в тюркологии и должен быть выражением вновь накопленных наблюдений, изменений и дополнений, переходом на новый этап научных исследований. Именно так был задуман Н. К. Дмитриевым большой план тюркологических исследований в руководимом им коллективе тюркологов Института языкознания Академии наук СССР — план, рассчитанный на три пятилетки: в первой пятилетке — исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, во второй пятилетии — сравнительная лексикология тюркских языков, в третьей пятилетии — тюрко-монгольские языковые взаимоотношения. И все это, вместе взятое, должно было стать подготовкой для перехода на новый, высший этап тюркологических исследований — этап сравнительно-исторического изучения тюркских языков в целом с конечной целью этих исследований — созданием сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, которую П. М. Мелиоранский более полувека тому назад назвал «одной из основных задач тюркологии»¹.

Свою педагогическую деятельность Н. К. Дмитриев начал в одном из старейших очагов русского и мирового востоковедения — бывшем С.-Петербургском, ныне Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова. Здесь были созданы им многочисленные курсы по самым разнообразным языкам тюркской семьи: турецкому, туркменскому, узбекскому, татарскому, башкирскому, кумыкскому, карачаево-балкарскому, якутскому и другим. Именно из этих лекционных курсов выкристаллизовалась и отстоялась описательная схема Н. К. Дмитриева, о которой говорилось раньше. В значительной мере благодаря Н. К. Дмитриеву так окрепла и завоевала себе широкую популярность и заслуженный авторитет кафедра тюркской филологии в МГУ.

И все же выдающиеся качества Н. К. Дмитриева как педагога и ученого-организатора ярче всего проявились в стенах Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, куда Н. К. Дмитриев перенес свою научно-педагогическую деятельность с начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Как известно, востоковедение в МГУ никогда не имело прочных и непрерывных традиций. Оно неоднократно возникало в Московском университете и после непродолжительного существования исчезало, будучи связанным не столько с деятельностью школ, сколько с деятельностью отдельных лиц. Тюркологическая же ветвь востоковедения вообще не имела никогда корней в Московском университете. Выдающейся заслугой Н. К. Дмитриева является то, что он заложил прочные основы востоковедческого, в частности тюркологического образования в стенах МГУ, отстоял и укрепил созданное им Восточное отделение филологического факультета МГУ. Все, связанное с Восточным отделением со дня его рождения, живо помнят, с каким мужеством, упорством и порой в насущную необходимость его существования боролся Н. К. Дмитриев со всеми трудностями и препонами в жизни Восточного отделения, отдавал все силы своего большого и пламенного сердца любимому им делу подготовки советских востоковедческих кадров.

Н. К. Дмитриеву посчастливилось еще при жизни увидеть плоды организованного им востоковедного образования в МГУ. В настоящее время почти половина первых выпусков молодых тюркологов, воспитанных Н. К. Дмитриевым и его сотрудниками, находится на научной или научно-прикладной работе, с честью оправдывая звание выпускников Восточного отделения филологического факультета Московского государственного университета. Кафедры тюркской и иранской филологии Восточного отделения МГУ хорошо известны далеко за пределами Москвы.

Не менее значительны заслуги Н. К. Дмитриева в области подготовки собственно научных кадров тюркологов через аспирантуру. Ведущие основные кадры ученых тюркологов Москвы, Ленинграда, Казахстана, Туркмении, Киргизии, Азербайджана, Татарии, Башкирии, Дагестана, Хакасии и Якутии — это в значительной своей части ученики Н. К. Дмитриева, прошедшие у него аспирантуру.

¹ П. М. М е л и о р а н с к и й, Арабфилолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. I.

Хочется вспомнить, как готовил Н. К. Дмитриев к научной работе своих аспирантов. Обо всем, естественно, невозможно сказать. Но о главном в методах воспитания будущих ученых сказать необходимо. Главное заключается в том, что Н. К. Дмитриев старался с первых же шагов привить начинающим специалистам навыки научной работы, предоставлял своим ученикам возможность максимального выявления своих способностей. Он никогда не навязывал аспирантам своих научных взглядов и относился с полным уважением к мнению молодого начинающего специалиста.

Н. К. Дмитриев принадлежал к передковому в нашей советской действительности высшему типу научных руководителей, у которых личное неотделимо от науки. Советская тюркология, советское востоковедение были глубоко личным делом Н. К. Дмитриева. Судьбы науки, ее трудности и достижения так же глубоко волновали или радовали его, как огорчает и радует горе или радость близкого и дорогого человека. В последние годы Н. К. Дмитриев отдавал много времени и сил реализации большого плана исследовательских работ, о которых было сказано выше. Первая проблема — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» — была разработана под его руководством в течение 1945—1950 гг., и результаты этой работы сданы в печать. Разработка второй проблемы — «Исследования по сравнительной лексикологии тюркских языков» — заняла следующее пятилетие и была завершена уже после смерти Н. К. Дмитриева. Третья проблема ожидает своей очереди.

Н. К. Дмитриеву не удалось довести до конца всех задуманных им больших начинаний. Но главное он сделал: вместе со своими учителями он заложил незыблемый фундамент советской тюркологии, помог созданию тюркологических очагов на местах, заботливо вышеставил научные кадры для многочисленных тюркоязычных народов СССР и оставил нам свои глубоко содержательные труды по всем основным разделам и вопросам, относящимся к строю тюркских языков. Советские тюркологи всегда будут с чувством глубокой благодарности вспоминать имя мудрого и заботливого учителя, чуткого и верного товарища и друга Николая Константиновича Дмитриева.

Э. В. Севортян

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ П. К. УСЛАРА ДЛЯ СОВЕТСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

В 1955 г. исполнилось 80 лет со дня смерти П. К. Услара — одного из выдающихся русских языковедов XIX в. Его замечательные монографии по иберийско-кавказским языкам стоят рядом с наиболее значительными лингвистическими работами того времени.

Одним из важнейших достижений языкознания XIX в. является исследование родственных языков в сравнительно-историческом плане путем применения нового научного метода — сравнительно-исторического. Услар хорошо знал это направление в языкознании, его достижения. Вся лингвистическая деятельность Услара разветвлялась в плане реализации глубоко осознанных целей и задач сравнительно-исторического языкознания, первым этапом решения которых в области кавказского языкознания Услар считал глубокий статистический анализ структуры отдельных языков, сопровождаемый сравнительно-историческими наблюдениями.

Петр Карлович Услар был пионером в изучении кавказских языков. Все горские кавказские языки в то время были бесписьменными. При этом следует учесть, что они обладают очень сложной и трудной для изучения фонетической системой, а также чрезвычайно своеобразным грамматическим строем. И все же в старых учебных пособиях по языкознанию, по истории науки о языке совершенно незаслуженно, несправедливо обходят имя Услара. Европейская наука знала о деятельности Услара только по отчетам акад. А. А. Шифера, писавшего их по-немецки. В этом отношении судьба Услара в известной мере напоминает судьбу датского языковеда Р. Раска¹. Благодаря усилиям соотечественников роль Раска в истории языкознания XIX века была восстановлена. К сожалению, этого не сделано до сих пор в отношении деятельности Услара. А ведь именно из трудов Услара впервые стало совершенно ясно, что горские кавказские языки не родственны

¹ «К сожалению, — писал В. Томсен, — Раск вне Дании почти неизвестен и неопенен по заслугам; причина этого заключается несомненно в том, что почти все свои работы он писал на датском языке... а так как часть его основных достижений попала в общеевропейскую науку через посредство вторых лиц... то иностранные ученые... слишком часто забывают его имя» (В. Томсен, История языковедения до конца XIX века, М., 1938, стр. 57).